

КСЕНИЯ БОЛОГОВСКАЯ – ИСКУПИТЕЛЬНАЯ ЖЕРТВА ИСТОРИИ В РОМАНЕ И. ГОЛОВКИНОЙ «ПОБЕЖДЕННЫЕ»

Зборовец И. В., доктор искусствоведения, профессор

Харьковская государственная академия культуры

Аннотация. Статья о трагических последствиях деклассирования русской аристократии.

Ключевые слова: разрушение дворянской семьи, концепция безнадежного пути, социальная аномалия, жертвы террористической системы.

Анотація. Зборовец І.В. Ксенія Бологовська – спокутна жертва історії в романі І. Головкиної «Переможені». Стаття про трагічні наслідки декласації російських шляхетних осіб.

Ключові слова: руйнація шляхетної родини, концепція безнадійного шляху, соціальна аномалія, жертви терористичної системи.

Annotation. Zborovets I. Kseniya Bologovskaya - sacrifice of history in the I. Golovkinoy novel «Won». Article about the tragic consequences of deklassing of the Russian aristocracy.

Key words: destruction of nobiliary family, conception of hopeless path, social anomaly, victims of the terrorist system.

Постановка темы. «Судьба жертв искупительных просит»¹. В XX веке это пророчество Н. А. Некрасова воплотилось в трагедию русской аристократии. Революция изломала жизни дворян. Религиозная идея страдания, мученичества, святости всего крестного пути интеллигенции после 1917 года является главной в романе И. Головкиной «Побежденные». Современное бессловное, демократическое общество построено «на костях» разрушенных дворянских семей. Жертвами победителей стали и потомки известных аристократических фамилий. «Посмеет ли коснуться юности та *обреченность*, которая невидимо разгуливает между старой мебелью... гостиных и отмечает все ненужное для новой эпохи? – спрашивает И. Головкина. – Посмеет, как показал жестокий век»².

Дворянская молодежь оказалась в социальном и нравственном отношении абсолютно незащищенной. С аристократами все можно было сделать в стране большевиков. Советский режим осуществлял физическое уничтожение не только старшего, но и молодого поколения свергнутых классов. Погибали юноши и девушки, составлявшие культурный слой общества, его богатство, лучшую часть человеческой породы.

Впервые в русской литературе XX века И. Головкина создала образ княгини Ксении Бологовской-Дашковой как воплощение всего самого талантливого, доброго, честного, что было в молодом поколении аристократов. Эти ценности следовало передавать дальше. Но вышло иначе. Жестокие силы жизни выбрали своей жертвой княгиню, ставшую в романе «Побежденные» символом любви, материнства, супружеской верности, глубокой религиозности и святости. В ее смерти была ли историческая необходимость? Сделала ли гибель княгини людей лучше, счастливее? Или

же вместе с героиней ушел огромный мир доброты, человечности? Над этими вопросами заставляет размышлять роман И. Головкиной.

Тема дворянства в русской литературе второй половины XX века.

Перемены в отношении к русскому дворянству стали барометром новых общественных настроений. Тема дворянской интеллигенции вышла на первый план в романах «Путешествие дилетантов» и «Свидание с Бонапартом» Б. Окуджавы, «Были и небыли» Б. Васильева, подготовивших почву для реабилитации исторической роли русской аристократии. В ходе общественных перемен вернули в литературу имя и творчество Великого князя Константина Романова, труды дворянских философов князей Евгения и Сергея Трубецких, В. Соловьева, Н. Бердяева, опубликовали воспоминания князя Феликса Юсупова. Были выявлены масштабы человеческих жертв советской террористической системы, невосполнимые утраты духовных, нравственных ценностей.

Однако преступления коммунистической диктатуры получили всенародную огласку главным образом в публицистике. В романе «Побежденные» тоже есть публицистические высказывания и гневные инвективы, всплески гражданских, патриотических чувств. Но лучше всего И. Головкина убеждает человеческими судьбами. Она проводит своих любимых героев через все круги советского ада 30-х годов, и они заканчивают свои жизни в тюрьмах и лагерях.

Роман «Побежденные» не для слабонервных читателей. Нужно иметь мужество пережить вместе с его персонажами сцены допросов, пыток, расстрелов, мученической смерти в чужих краях среди чужих людей.

В книге «Сдача и гибель советского интеллигента: Юрий Олеша» А. Беликов писал о том, что завоевания революции распространились на победителей, а свободу трактовали как ничем не ограниченную свободу действий, направленных в пользу победившего класса.

Роман «Побежденные» – крупнейшее художественное произведение в русской литературе XX века, открывающее правду о государственном насилии через судьбы аристократов. После книги «Солнце мертвых» И. Шмелева это самое значительное свидетельство преступлений коммунистического режима.

Статья выполнена в соответствии с планом НИР ХГАК.

Цель статьи – анализ идейно-художественной концепции судьбы княгини Бологовской-Дашковой – жертвы террористической системы.

Изложение содержания. «Тургеневская Ася» – так воспринимает имя главной героини князь Олег Дашков. В нем – указание на связь с русской классикой XIX века. Действительно, в Ксении Бологовской есть черты Татьяны Лариной, княжны Мэри, Лизы Калитиной, Веры из гончаровского «Обрыва». Как это было принято в дворянской литературе, И. Головкина опирается на метод физиогномики И. К. Лафатера, создавая портретную характеристику героини, построенную на соответствии между ее духовным миром и внешностью³. Самое заметное в Асе – благородное лицо, порода: волосы и

ресницы мягкого каштанового цвета красиво оттеняли белоснежный лоб и прозрачную глубину глаз. Все отмечают прекрасное одухотворенное лицо княгини, которое И. К. Лафатер признал бы идеальным. Маленькие легкие руки, тонкие запястья и щиколотки указывают на ее аристократизм.

Потребовалось не одно поколение высокородных предков, чтобы создать это счастливое сочетание чистых и благородных черт. Это тип красоты, который как драгоценное наследие переходит из рода в род как образец изящества и совершенства. У героини богатая родословная, глубокие исторические корни. Бояре Бологовские есть в Общем Гербовнике Российской империи в 19-ти томах. Геральдика тесно связывает этот род с минувшими веками⁴. В романе упоминается эмблематика этой известной фамилии⁵, а также девиз предков⁶. Ася – дочь гвардейского полковника, расстрелянного в Крыму, внучка генерал-адъютанта, приближенного к особе императора, внучка сенатора. Есть ли будущее у аристократки, лишенной всех привилегий ее класса? Выбор такой героини не случаен. Она человек переходного времени. В Асе Бологовской нет ничего враждебного новому режиму, ничего опасного или злонамеренного. Зато имеется в избытке все, что так радует в юности: желание жить, учиться, быть счастливой. Не важно, что героиня без ботинок и зимнего пальто, что у нее разорвана подкладка рукава. Она признается: «я очень-очень счастливая! Ты, бабушка, часто смотришь на меня с грустью и совсем напрасно. В жизни столько интересного, и каждый день выплывает что-нибудь новое, что хочется увидеть, услышать или прочитать. Я боюсь, что библиотека будет распродана прежде, чем я ее прочту» (33).

Этому радостному ожиданию счастья и оптимизму героини противостоят художественные знаки ее обреченности. Близким людям она напоминает «лилию на гробнице» (99). Елизавета Муромцева угадывает ее судьбу, когда сравнивает Асю со Снегурочкой: «В Россию ее занесло страшным буйным ветром, на разбойничьем, языческом костре ей суждено растаять, погибнуть» (28). Свою неприспособленность к жизни ощущает и сама героиня: «Воспитать молодое существо так, как воспитали нас, – значит погубить» (453). Ася играет Шумана «Все, что распустилось, умертвил мороз». Это образ-символ дворянской молодежи того времени.

В первой части романа в судьбе Аси мотивы жизни и смерти вступают в борьбу. Вся натура юной героини тянется к жизни, она говорит «Я живу с ощущением света» (236). В то же время в предчувствиях близких звучит мотив смерти. Вот несколько примеров: Зинаида Глебовна Нелидова о Елене и Асе: «Наши девочки такие талантливые и тонкие! Они как тепличные цветы! Эта грубая жизнь сомнет их» (513). Сергей Петрович Бологовский о родной племяннице: «Я почему-то уверен, что она не будет счастлива в жизни» (39). Реальность оказалась намного сложнее этих пророчеств. Асе суждено было познать великое земное счастье, тем страшнее был ее уход из жизни.

Юная Ася живет в мире музыки, надеется быть полезной, работая после окончания училища с детьми. В ней скрыто гениальное дарование, которое

она сама не осознает. Музыка воздействует на религиозные чувства героини: «Асе хотелось сочинять для церкви – музыка должна говорить о божественном!» (43). Музыка необходима и автору романа для ее мистической концепции рока. Для Муромцевой тема рока звучит, когда она слушает по радио оперу «Пиковая дама»: сопрягаются две судьбы – ее и Аси. В том, что незамужняя, одинокая Муромцева принимает на воспитание детей погибших Олега и Аси, есть горькая правда жизни. Эта линия романа разработана особенно убедительно.

Музыка оказалась главным духовным импульсом в истории знакомства и развитии отношений Ксении Бологовской и Олега Дашкова. Слушая, как Ася играет «*Warum?*» Шумана, князь мысленным взором окинул прожитые годы: «Зачем была вся его жизнь, по которой словно бы проехало слепое колесо? Боже, что «они» сделали с его жизнью! Он не знал, что в душе его есть еще уголок, в котором все еще так живо – родители, люди, кошка, собаки, дамы, военные... Музыка достигла этого потаенного уголка и отворила его» (101).

И. С. Тургенев считал, что зафиксировать момент возникновения чувства любви в художественной литературе невозможно. И. Головкина спорит с автором «Аси» на его же территории: в момент звучания *музыки*. Главные герои романа слушают по радио оперу Чайковского «Князь Игорь» Когда оперный певец Сливинский исполнял «Страшную минуту», между Олегом Дашковым и Асей словно протянули провод. Так рождалась их любовь! Свидетель этой сцены Муромцева догадалась о том, что произошло: «Они улыбнулись друг другу как люди, которых соединило что-то, которые понимают друг друга без слов» (203). Запоминаются слова князя Дашкова: «Я почти обреченный человек. Но я безумно ее люблю...» (255). Так начинает звучать в романе тема любви, семьи, продолжения рода князей Дашковых наперекор террору и машине истребления дворянской интеллигенции.

Вторая часть «Побежденных» начинается светло и безоблачно. После свадьбы князь и княгиня прикоснулись к истокам русской государственности и народным корням. Они уехали в Новгород смотреть старину, кататься в шляпке по Волхову и жить в рыбацкой деревушке. Дни, проведенные с женой на берегу Ильменя, показались Дашкову райским блаженством: «Ася была прелестна, и все заботы и опасения таяли в лучах ее любви» (309).

Вероятно, И. Головкина как художник больше всего боялась идеализации дворянства. Поэтому она иногда грешит натурализмом, вводит рискованные, слишком откровенные интимные сцены, которые разрушают доминанту образа. В романе жизнь Ксении Болговской в обстановке репрессий и террора превращается в *житие*. Недаром князь Дашков считает Асю *святой*. Но автор сама же нарушает эту художественную логику романа, опасаясь, что княгиня покажется читателю слишком идеальной. И. Головкина приводит в романе отрывок из письма героини, в котором она рассказывает родным, как сидит на муже верхом и раздетая ползает по сеновалу (!). Все это вступает в противоречие с высоким замыслом автора

и нравственным содержанием образа. Зато убеждает своей правдивостью сцена, в которой Ася признается Лёле Нелидовой: «Мне иногда очень стыдно за мое счастье...» (348).

Культура человеческого общения, богатый душевный мир княгини раскрывается в романе не только прямо, но и в дневнике. Героиня стремится найти свое место в жизни. Заменяв родного дядю Сергея Петровича, она создает ансамбль русской песни, проводит занятия и спектакли. Однако И. Головкину мало интересуют профессиональная деятельность княгини.

Ксения Бологовская-Дашкова нужна автору как воплощение религиозной идеи добра, милосердия, искупительного страдания. Альтруизм героини, ее человечность проявляется многосторонне. Она любит родных, соседей по квартире, дегенеративных детей рабочего, животных, птиц. В мире Аси собаки (члены семьи) очеловечиваются, обладают способностью понимать речь. И, наоборот, палачи-гепеушники утрачивают человеческие черты, впадают в озверение (сцена убийства конвойными грудного ребенка). Очеловечивание животных в семьях аристократов и жестокость инквизиторов сталинской выучки – две важнейшие идеи романа.

Христианская доброта Аси реализуется, прежде всего, в ее материнстве, в заботе о детях. Об отдыхе семьи Дашковых в деревне Хвощи сказано: «Эта жизнь казалась прекрасной еще потому, что не могла быть продолжительной» (394). Выражение тревоги на лице Аси иногда мелькает, как облако. Ощущение трагической развязки есть даже в песне, которую она поет ребенку:

*Долетают редко вести
К нашему крыльцу.
Подарили белый крестик
Твоему отцу.*

В свете христианских идеалов Ася отвергает эгоистическое благополучие. Она обращается к высшим силам, просит взять от нее кусочек счастья и передать Лёле, если возможно. Характерна ночная молитва Аси: «Спаси, Господи, и помилуй мужа моего, Олега, и даруй ему мирная Твоя и премирная благая» (458). Сердце героини – вместилище вселенского горя. Ася говорит: «Теперь все горе, все. Мне жалко нас всех, мне жалко самое себя» (521).

Вопреки подступающим со всех сторон бедам Ася переживает творческий взлет. Она работает над музыкальным сочинением – фантазией на тему Древней Руси. Именно русские князья остро чувствовали связь с культурой прошлого, с национальной святыней – Сергиевской обителью. Ася признается мужу: «Я никогда не сделалась бы эмигранткой! Наша Русь и в самые горькие години остается величественной и святой, и мне кажется, покидать ее ради собственной безопасности грешно» (473). Князь Олег поддерживает музыкальный замысел жены: «Стон родной земли... Это ты хорошо сказала! Смотри же, не откладывай окончание этой работы, чтобы я успел ее услышать» (473).

В содержании второй части романа ключевое значение приобретают

споры князя и княгини Дашковых о гуманизме. Ася, опираясь на религиозный принцип, говорит о необходимости заботиться обо всех, кто в этом нуждается. Она пытается смягчить безмерную гордость своего мужа («Я хочу, чтобы сердце твое распространилось» (582)). Олег думает об Асе: «Что если она, жалеющая всякую тварь – собак, кошек, голубей, узнала бы, как он отдал приказ расстрелять восьмерых человек... Разлюбила бы она его?» (524).

И. Головкина вводит в повествование образ смертельно раненной зайчихи, у которой начались роды. Князь Олег видит здесь какое-то страшное сходство с судьбой собственных детей. Желание зайчихи во что бы то ни стало жить, спастись, любить – и равнодушный, бессердечный выстрел охотника обнаруживают природу советских палачей и их жертв. Дашков знает, как это будет и говорит Асе: «Я умру в подвале или на тюремном дворе... Мне иногда снится этот двор... когда придет... час расплаты... помни «за ранней обедней мила друга, светлая жена!» – «Помяну!» – тихо шепнула Ася» (487). Концепция безнадежного пути придает трагическое звучание роману «Побежденные». Зинаида Глебовна Нелидова скажет об Олеге и Асе: «По возрасту, по наружности, по воспитанию вы были идеальной парой» (553). Князь Дашков с его дворянской гордостью и княгиня с ее золотым сердцем взяли на себя вину класса, стали искупительной жертвой истории. Их естественное желание жить вступает в трагическое противоречие с обреченностью. Против гибели супругов восстает нравственное чувство читателя!

Поворотным событием в сюжете романа является вторжение тиранического государства в мир счастливой семьи и разрушение самой структуры «гнезда». Государство насильно разлучает так необходимых друг другу людей, общность которых сложилась исторически. Депортируют компаньонку-француженку Терезу. В опустевшей квартире остаются одни собаки и многострадальная офицерская шинель Олега.

И. Головкина делает сцену ареста князя Дашкова центральной, ибо она демонстрирует сущность новой власти. Вся суть этой сцены – в художественных деталях: «электрический свет, включенный *властной* рукой» (531), публичное чтение записки интимного содержания, лицо мученицы и глаза Аси, полные ужаса, последние слова князя Олега, обращенные к жене: «Спасибо тебе, дорогая, за любовь, за счастье. Будь мужественна... я верю, что ты сумеешь вырастить наших детей. Ты не жди меня назад. Путь был безнадежен, ты это знала. Перекрести меня», и полные горя слова княгини: «Олег, прощай!» (534).

Личное горе Аси становится горем России, ее судьба вливается в трагическую судьбу народа. Вместе с тысячами других несчастных, героиня много часов простаивает в тюремных очередях в надежде, что примут передачу для Олега, и однажды слышит страшный ответ: «Нет такого! Приговор приведен в исполнение. Следующий...» И. Головкина остается с любимой героиней в эту самую горькую для нее минуту, проникая в глубины состояния потрясенной женщины: «Сначала она стояла около каких-то ящиков, потом около серой глухой стены, потом стояла, опираясь на чугунные

перила моста. Ушел, совсем из ее жизни! Ушли все, кому она была дорога! Она и ее Славчик всеми покинуты, случайно забыты на этой земле, всем чужие. Ушел из жизни, а дома ждет маленькое, совсем маленькое существо, а внутри ее шевелится крошечными конечностями другое, которое он никогда, никогда не увидит! Да разве можно лишать жизни молодых – тех, у кого есть дети? Ушел совсем, а ее любовь еще только-только в расцвете!.. Нет твоего сказочного принца, нет отца у твоего ребенка, нет на земле рыцаря без страха и упрека!» (592).

Репрессии разрушали семью как гнездо культуры. Внешний вид окружающих нас предметов оказывает непосредственное влияние на строй наших мыслей. Аристократ существовал в мире своих вещей. Не случайно И. Головкина так любовно изображает предметный мир дворянства: старую мебель, посуду (серебро и дорогой фарфор), гобелены, рояль, ломберные столики, изящные подставки с инкрустацией, французские гравюры, вазы, портреты, камин, кресло-качалку, пожелтевшие кружева, жемчуг и драгоценности, хрустальные люстры, зеркала, диван, подшивки «Нивы», ноты, партитуры, домашние библиотеки. У Огаревой-Дашковой «старинные вещи согревали комнату своим неповторимым обаянием» (38). Отправленная в ссылку, Надежда Спиридоновна Огарева взяла с собой *кофр*, – слова для обозначения этой вещи давно уже нет в нашем лексиконе.

Конфискация мебели для Аси – это разрушение ее культурного мира. Она плачет, когда забирают рояль. Муромцева предлагает ей свое пианино, но Ася безутешна. «Пианино – ящик, – возражает она, – а у рояля душа!» (627). В полном отчаянии Ася садится в поезд, прижимая к себе двух маленьких детей. Она забирает с собой и любимицу семьи пуделицу Ладу. Дети и собака – вот все, что осталось у нее от семьи.

Лада – очеловеченное существо, способное понимать разговоры близких ей людей. Автор указывает: «Несколько раз все становились в тупик перед тонкостью ее реакций. Иногда она понимала самые длинные, запутанные фразы, ... понимала человеческие слезы. В последнее время в жизнь Лады вошло множество тревог: люди, окружающие ее хозяйку, стали исчезать один за другим, семья таяла...» (646). Горе этой собаки по силе равно человеческому. В драконовской системе домашние животные тоже попадают под Красное колесо. Ладу выбрасывают из вагона, и Ася прощается с ней навсегда. Героине запомнились глаза пуделицы, которые словно говорили: «Спасибо тебе за твою великую человеческую любовь» (647). Животные очеловечиваются в рамках дворянской семьи. И, наоборот, в сталинских лагерях конвойные собаки – озлобленные твари. Это была правда того времени.

И. Головкина исследует *социальную аномалию* как наиболее изощренную форму издевательств тиранического государства над элитой. Дворянскую интеллигенцию насильственно переводили в условия нищеты, голода, дикости. В ссылке бывшая смолянка, одетая в валенки и деревенский платок, производила

странное впечатление. Фрейлина императрицы роется в помойке, нищенствует, говорит: «Классовая борьба нас доведет до могилы!» (700). Ася видит среди заключенных дам из высшего общества, которые держались мужественно и просто. Некоторые читали наизусть стихи или пересказывали особо памятные книги. Интеллигентные старухи в бараке переговаривались на безупречном французском языке (*Vais que donc faire? Oh, mon Dieu!*). Бывшие аристократы принимают участие в кормлении Славчика и Сонечки. Улан Ее Величества называет Асю «сломанным цветком» (648).

Автор правдиво изображает мучительную жизнь Аси в ссылке. Ее спасают мысли о доме, где «ласка исходила от каждого предмета» (656). Она вспоминает свою кровать из красного дерева и думает: «Если бы мама или мадам могли себе вообразить, что их Асю и ее детей будут заедать вши и она будет чесать себе спину о грязные стены тюремного барака!» (649).

В ссылке происходит встреча Аси с помещицей Огаревой, сумевшей удобно устроиться и при советской власти. Старуха не сразу ее узнала: «Какое одухотворенное лицо у этой девушки! Кого она мне напоминает? Прозрачный лоб, длинные темные ресницы, иссиня-серые глаза, которые бросали тени на нежные веки. Ах, Боже мой! Да ведь это молодая жена Олега Дашкова – поручика Ее Величества лейб-гвардии кавалергардского полка» (652). Однако на ее гостеприимство нечего рассчитывать. Не дворянка спасает Асю и ее детей от голода, а простая женщина Мелетина Ивановна. Ключевое значение получает в романе сцена, в которой аристократка Ася целует загорбленные мозолистые руки крестьянки. Лучшие люди из народа проникнуты глубоким уважением к дворянским интеллигентам. Дворник Егор Власович говорит: «прежние люди не чета нынешним; вот хотя бы Олега Андреевича взять: весь насквозь барин, а держал себя просто: и поклонится первый, и побеседует, потому – воспитание!» (639).

В ссылке Ася подвергается нравственному испытанию, вынуждена решать проблему морального выбора. Врач Кочергин привлек ее внимание, когда исполнял на рояле, вывезенном из дворянского особняка, «Чиарину» и «Карнавал» Шумана. Он помогал Асе деньгами и продуктами, надеясь, что она станет его любовницей. Ася осталась верной Олегу. В трудной ситуации она преодолевает искушение постучать в окно к Кочергину и, заплатив своим телом, спасти детей. Это была ее огромная внутренняя победа.

Трагическая развязка приближалась. Ася вспоминает свое детство, а возвращение к истокам переживает тот, кто скоро умрет. В героине усиливаются религиозные переживания. Она теперь поняла значение слов «Да будет воля твоя», «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Религия поддерживала княгиню и сплавила воедино все ее идеалы. Ася чувствовала, что солнечный свет делается все ярче и ярче. Она словно общалась с Высшей силой, когда слышала музыкальный мотив из «Китежа», голоса райских птиц. У нее был клевир из «Китежа» и фуги Баха. Ася не в состоянии была расстаться с откровениями на музыкальном языке. Это была минута озарения. Идя за

молоком для детей, она читала по пути «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся!», «Верую». Ей казалось, что солнечные лучи лились из тех обетованных мест, где царствие Божие уже наступило» (691). Предвещает смерть и появление траурной черной бабочки, которую видит несчастная, беспомощная ссыльная Панова. Для Аси очевидно, что оттуда иногда посылают предупреждения.

И. Головкина погружает читателей в поток сознания героини, которая идет одна в снегопад через лес на регистрацию, теряет силы и замерзает. Автор сумела передать скачкообразный ход ее мыслей: «Олег из Соловков вот так же шел – безмянными дорогами, в метель, в мороз. Это наш крестный путь. Так, значит, надо! Придут другие времена, другая культура... Будущее беспросветно – дети вырастут заброшенными. Она всю жизнь одна, без музыки... а ее сочинение об ангельских крыльях пропадет неоформленным...» Нередко мысли слабеющей женщины бессвязны: «Она никому не сделала зла! Она всех любила! У нее маленькие дети! В Ладе душа была! В будущей жизни мы все духи». На конверте с адресом Елизаветы Муромцевой Ася вслепую пишет: «Умираю. Дети твои». Жалея свое земное счастье, княгиня мысленно была уже на небесах: «Там Михаил Аристратиг зачислит Олега в рать свою, а Ася будет слагать гимн неведомой пока гармонии. Господи, сохрани детей! Снег... Снег... Вечность» (707).

Получив в лагере печальное известие о судьбе Аси, Елена Нелидова бунтует против Неба, бросает вызов палачам и гибнет от пули конвойного. Ранняя смерть Ксении Бологовской-Дашковой и Елены Нелидовой получает в романе нравственно-философский смысл. По словам Елизаветы Муромцевой, мученический венец был поделен между Асей и Лёлей: «В Асе эгоизма нет ни капли, напротив, это жертва, полная любви. Кротка она, как овечка. Она – Mater Dolorosa – Мать Скорбящая. Эти две девочки, которых я сравнивала с оранжерейными цветами, дали два мученических лика. Их судьба – апофеоз счастья или трагедии». (632).

Учительница музыки Юлия Ивановна уверена, что в Асе погиб редкий талант: «Мазурки Шопена и миниатюры Шуберта и Шумана она играла лучше законченных пианистов. Ася была моей последней надеждой» (616). Письмо музыкального педагога утверждает ценность личности дворянского интеллигента, неповторимость индивидуальности: «Видит ли она оттуда, что старая больная учительница не может ее забыть и грезит наяву игрой ее волшебных ручек!.. На могиле Аси, наверное, намело горы снега, и ни одна живая душа не повесит венка на бедный деревянный крест... К нему и тропинки, наверное, нет... Какое исключительно одаренное и одухотворенное существо нашло себе упокоение в этой безвестной могиле!» (725).

Передача наследственных черт и духовных ценностей осуществляется внутри дворянства. И. Головкина верна традициям «Войны и мира» Л. Н. Толстого в изображении телесных деталей, которые переходят из поколения в поколение. Муромцева говорит о маленькой Соне: «В потенции в ней и

красота, и аристократизм, и талант, и ресницы» (632). Заменяв девочке мать, она расширяет свои наблюдения: «Сонечка очаровательна, ресницы у нее за полщеки, как у Аси, а кудряшки, подвязанные бархаткой, придают ей вид девочки, похожей на иллюстрацию к «Ангелу любви»... Она любит песенки – очевидно унаследовала музыкальность Бологовских. Всегда просит спеть ей» (724). Запоминается и сцена, в которой старая помещица Надежда Спиридоновна поет над колыбелью Сони французскую песенку. А бывшая смолянка Марина Сергеевна помогает Славчику и Соне овладеть французским языком, восстанавливая связь поколений на основе дворянской культуры. Потомки аристократов унаследовали ценности своих предков. Здесь было что передать.

Формирование так называемой «народной интеллигенции» дало результаты, о которых с горечью написал Е. Евтушенко: «Интеллигенция поет блатные песни»⁷. Культура высшего общества и дворянское воспитание остаются для нас недостижимым образцом.

Выводы. В идейно-художественной концепции романа И. Головкиной «Побежденные» ключевую роль играют религиозно-философские мотивы, которые важны для понимания судьбы дворянства после революции. В противостоянии побежденных и победителей автор находится на стороне пострадавших и видит в жертвенности дворянства высший религиозный смысл: искупление через страдание. Русские аристократы были принесены в жертву истории. Но среди них погибли не просто безвинные люди, а самые яркие, талантливые и человечные, составлявшие ценность народа и нации. Судьбы Сергея Петровича Бологовского, Олега Дашкова, Ксении Бологовской-Дашковой, Елены Нелидовой убеждают в этом. После гибели княгини Дашковой мир оскудел добром!

Однако в процессе формирования метаидеи романа теософия утрачивается И. Головкиной, теряет функцию опоры. Религиозная идея страдания, искупительной жертвы, всепрощения, рока ведет, по сути, к оправданию деспотического режима, к призыву любить врагов – палачей-сталинистов! Возникает явное противоречие между безмерными человеческими жертвами, масштабом разрушения культуры и примиренческой позицией автора, успокаивающей себя и читателей мыслью о закономерности русской трагедии. После невосполнимых утрат поиски новых форм социальной жизни со стороны Микки и Мэри служат слабым утешением, как и рассказ Муромцевой о судьбе детей князя и княгини Дашковых. Очевидно, что И. Головкина идет на компромисс и не решается выбрать между Христом и топором. Бунтовать – плохо, и не бунтовать – тоже плохо. В романе четко видна «могила» русского дворянства, но отсутствуют даже слабые контуры его будущего. Траурный мотив повествования побеждает в финале. К сожалению, в романе много рассуждений, а это хуже всего.

В дальнейшем предполагается раскрыть и другие грани идейно-философского содержания романа И. Головкиной «Побежденные».

Литература:

1. Некрасов, Н. В больнице / Н. Некрасов // Три века русской поэзии: сб. стихов / сост. Н. В. Банников. – 3-е изд. – М., 1986. – С. 217-219.
2. Головкина, И. (Римская-Корсакова). Побезденные: роман / И. Головкина (Римская-Корсакова). – М.: МП «Русло», 1993. – 733 с.
3. Мурьянов, М. Ф. Лафатер / М. Ф. Мурьянов // Лермонтовская энциклопедия / под ред. В. А. Мануйлова. – М., 1981. – С. 240.
4. Россия, ее настоящее и прошлое. – СПб., 1900. 889 с.
5. Тройницкий С. Н. Гербовые девизы русского, польского, финляндского и прибалтийского дворянства / С. Н. Тройницкий. – СПб, 1910. – 55 с.
6. Винклер, фон П. Русская геральдика / П. фон Винклер. – СПб.: Тип.-лит. И. А. Ефрона, 1892. – Вып. 1. – 274 с.
7. Евтушенко, Е. «Интеллигенция поет блатные песни...» // Утренний народ: новая книга стихов / Е. Евтушенко. – М., 1978. – С. 204.